

Демченко Полина Николаевна

ЭЛЕМЕНТЫ МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИФОЛОГИИ И ЯЗЫЧЕСТВА

Статья посвящена анализу таких элементов Масленицы, как поминальные обряды, чествование молодоженов, костры, сооружение и уничтожение чучела, встреча и проводы Масленицы. Они рассматриваются через призму мифологии и язычества. Автор опирается на методологию философии имяславия, которая обозначена в философии А. Ф. Loseva и П. А. Florenskogo. Делается вывод, что происходит десакрализация ритуальных значений масленичного комплекса, сохраняется лишь игровая сторона праздника как ностальгия по бытию-символу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 57-59. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 111

Философские науки

Статья посвящена анализу таких элементов Масленицы, как поминальные обряды, чествование молодоженов, костры, сооружение и уничтожение чучела, встреча и проводы Масленицы. Они рассматриваются через призму мифологии и язычества. Автор опирается на методологию философии имяславия, которая обозначена в философии А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского. Делается вывод, что происходит десакрализация ритуальных значений масленичного комплекса, сохраняется лишь игровая сторона праздника как ностальгия по бытию-символу.

Ключевые слова и фразы: Масленица; символ; знак; обряд; миф; язык; имя; число; пространство; время.

Демченко Полина Николаевна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
polina-alex@mail.ru

ЭЛЕМЕНТЫ МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИФОЛОГИИ И ЯЗЫЧЕСТВА

Для того чтобы выявить взаимосвязи, существующие между мифом и феноменом праздника Масленицы, необходимо переосмыслить понимание мифа.

В свое время М. Элиаде и Р. Генон стремились найти сакральность традиции имени в лабиринтах знака, что повысило интерес к мифологии и привело в дальнейшем к переоценке ее понимания. Исследование сакральной составляющей архаических обществ приводит нас к следующему выводу: *мифология не является человеческой фантазией (вымыслом), наоборот, она представляет собой наиболее полную сакральную онтологию традиции имени (Примордиальной Традиции у Р. Генона), а религия представляет собой рационализацию сакрального.*

Слова-символы, означающие вообще все, сохранились в литургических практиках и сакральных комплексах в различных традициях и представляют действенный инструмент духовной реализации, который способствует открытию пространства, трансцендентного рациональному пространству бытия-кентавра. Язык-знак традиции числа представляет собой аномальную модель по отношению к языку-символу по причине своих онтологических, метафизических различий. Поэтому и имя, и число являются «принципами формирования изначальных культовых форм» [6, с. 40]. Это связано с тем, что метаморфоза языка-знака от носителя языка-символа происходит в историческом измерении поэтапно.

Подражание знаку Символу, языка-знака языку-символу напрямую связано с подражанием меона зону. Однако звучащая речь на этом этапе предназначается для актуализации инициатического опыта во время культовых, сакральных действий. Речь не несет информационной нагрузки. В морфологии жреческого письма сохраняется магичность и сакральность, а также обнаруживается первая информация в виде числового кода – буквенных знаков. Мы считаем, что на первом этапе семизиса в первых формах культа (мифе и магии) принцип числа уже присутствует. Но так как язык-символ занимает определяющее положение, принципу числа приходится подчиняться энергичным формам имени. Поэтому разницу между священным и мирским на этом этапе трудно выявить, потому что любое действие человека на данном этапе становится моментом феургии-теургии, о чем говорил П. А. Флоренский в работе «Философия культа» [5, с. 57-58, 76]. Первые формы культа имеют корреляцию с изначальными символическими формами языка-символа. Язык-символ и культ являются медиаторами между различными модусами бытия, осуществляют переход из обычного мирского существования человека в сакральный модус: из бытия-кентавра в модус бытия-символа.

Все действия с числами, включая использование начальных моделей счета, арифметики и геометрии, были привилегией только жреческих каст или посвященных лиц, служащих сакральным, метафизическим целям. Посвященный, в отличие от обычных людей, владел принципами и методами эзотерического культа, обладал практикой расширения границ собственного сознания. В результате подобных практик он мог легко соприкоснуться с реальностью, выходящей за рамки бытия-кентавра. Это происходило за счет взаимооборачиваемости компонентов Символа (Явления и Смысла) и осуществлялось тогда, когда посвященный соединял личностное бытие с бытием-символом. Движение компонентов в бытии-символе, трансцендентном бытию-кентавру, происходило по законам, принципиально отличающимся от научных представлений.

Интересным представляется изучение оппозиции мифа и магии с позиций оппозиции имени и числа, потому что данная оппозиция задает различие между культурами мифологического и магического типов. Миф и Символ относятся к самой изначальной традиции Большого Логоса, образуя «Абсолютный миф теогонии и космогонии данного эона» (согласно А. Ф. Лосеву). Генезис мифа заключается в принципе имени. Магия же является противоположной принципу имени формой манифестации, поскольку истоки магии находятся в принципе числа. «Миф есть форма репрезентации и выражения именного начала бытия и языка. Число, стало быть, является генетическим истоком репрезентации и выражения магии как таковой» [6, с. 40]. Неслучайно в магических техниках и манипуляциях духи, стихии, жертвы имеют свои имена и призываются по имени.

Согласно А. Ф. Лосеву, миф – это конкретнейшее и реальнейшее явление *живой* действительности. «Реальное, жизненное и адекватное знание будет только тогда, когда я зафиксирую не только число, но и качество... но и все те глубинные возможности, которыми он принципиально располагает и которые так или иначе, рано или поздно могут в нем проявиться. Это и значит зафиксировать *миф* данного предмета и дать ему *имя*» [2, с. 771]. Философ считает, что для каждого человека всегда существует нечто такое, что не является ни числом, ни качеством, ни вещью. Это нечто и есть миф, «живая и деятельная действительность», которая имеет определенное живое имя, лик бытия. Согласно нашему подходу, миф – это лик бытия-символа.

Поэтому, когда мы имеем дело с живой традицией, мифология в первую очередь обнаруживает иерархию в последовательности сообщаемых ею мифологических событий, а затем уже представляет собой «священную историю» племени и объясняет реальный мир во всей его целостности [8, с. 114]. Мифологические события сообщаются на языке-символе. «Сам язык – это лишь стершаяся мифология, его абстрактные и формальные различия сохраняют то, что мифология сохраняет в различиях живых и конкретных» [7, с. 23].

Архаическому сознанию свойственно понятие о некой универсальной силе-энергии, действующей в физическом, в сверхъестественном и магическом мирах. Эта сила – ино-сознание как виртуальный Смысл бытия-символа в бытии-кентавре, благодаря чему человек способен распознавать символы. Человек же, не способный понимать истинный смысл символов, распознает речь и мышление, учится коммуникации с помощью знаков и осваивает житейскую логику, устанавливает возможные отношения между символами.

В процессе мистических переживаний осуществляется трансформация определенного состояния, связанного с сакральной сферой, которая является по своей сути переменной онтологического характера за счет актуализации ино-сознания. Так, в момент «смерти» в этом мире посвященный или шаман оживает для другого мира. В этом случае мы имеем дело с трансформацией через «смерть-воскресение».

Инициация осуществляет основательную перестройку всего мифического бытия-кентавра. Инициация является необходимым звеном в трансцендировании в инобытие – бытие-символ, в Сакральное со своим мистическим измерением. Поэтому ритуал – это «совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или его символическую репрезентацию» [4, с. 67].

Позиция П. А. Флоренского в отношении закона концентрации символов и закона концентрации мифологических сюжетов заключается в том, что отдельные символы *etc.* имеют тенденцию сочетаться или сливаться в сложные многообразные группы. При этом противоречивость символов *etc.*, считает П. А. Флоренский, уравнивается. П. А. Флоренский утверждает: «Как цепкий плющ вьется около дерева, так обвивает святыню (*sacrum*) миф. И как плющ, завивши своими гибкими ветвями весь ствол, затем иссушает и душит его, сам становясь на место него, так и миф, окутав святыню, скрывает и уничтожает ее, и она, в конце концов, теряет собственную жизнь, теряет смысл сама по себе и, в результате, истлевает под придушившим ее, все разрастающимся мифом, и гибнет, губя с собою и миф, но как в лесу на прахе деревьев растут плющи, и на прахе плющей – деревья, так и в религии: на прахе святыни – мифы, на прахе мифов – святыни» [5, с. 424-425].

Однако во времена серьезных кризисов человек вновь возвращается к мифу, чтобы пережить драму начала Мира через возвращение к неделимой и первоначальной божественной целостности или через повторение космогонии. Этот процесс повторяется во время ежегодных коллективных праздников, таких как Новый год, Масленица и пр., представляющие собой конец года как аналогию конца эры и мира. Поэтому все церемонии, сопровождающие эти праздники, четко передают их направленность, а именно возвращение ко времени живой и сакральной целостности, т.е. ко времени до сотворения Мира. Неслучайно празднованию Масленицы долго сопротивлялось христианство, но этот праздник оказался довольно стойкой и жизнеспособной мифологией, поскольку он обладает своей космической структурой. Возможно, именно поэтому в конце концов Церковь приняла этот праздник и ассимилировала его, ведь сельское христианство обладает космическим измерением.

Масленица – это праздничный недельный цикл, который в традиционном обществе осмысливается как некий рубеж между зимой и весной и направлен своей обрядовой деятельностью на проводы зимы. Масленица – это подвижный праздник народного календаря. Мы считаем, что именно с фактом стирания физических темпоральных границ связано празднование Масленицы в зимнюю пору. А. А. Коринфский полагает, что праздник Масленицы, пришедший к нам из давних веков, возник как обряд поминания умершей Мораны (зимы-стужи) [1, с. 133]. Согласно языческим сказаниям о богах, Морана олицетворялась с чудовищем, наводившим страх на все живое. Издревле считалось, что Морану окружают злые духи. Обряд поминания умершей Мораны объединялся на Руси с тризной по всем прежде почившим. Поэтому в Масленицу считается необходимым поминать умерших родственников, а именно печь блины, которые являются обязательным атрибутом поминок.

В масленичном комплексе можно найти отражение языческих верований народа и христианские представления. К наиболее существенному обрядовому действию относились поминальные обряды, которые были связаны с культом предков. Остановимся на анализе факта присутствия элементов и объектов русской мифологии в феномене праздника Масленицы.

Масленичная неделя – это особая пространственно-временная точка, и ее обрядовая деятельность, соотношенная с идеей первотворения, является неким энергетическим импульсом, который служит началом для нового очередного витка жизни в целом. Необходимо обозначить важные и обязательные обрядовые действия масленичного комплекса: поминальные обряды, обряды чествования молодоженов; масленичные развлечения, имеющие и ритуальное значение; обряды встречи и проводов Масленицы.

В центре внимания праздника Масленицы находится символический антропоморфный персонаж – Масленица. Но вместо него мог быть и ряженый человек, имитировавший запретные действия, символическое совершение которых служило благополучному формированию миропорядка на следующий календарный год.

Практически по всей территории России изготавливались чучела Масленицы и проводился обряд ее «проводов-похорон». Солому собирали всей деревней. Девушки и женщины изготавливали из нее чучело Масленицы, которое закреплялось на деревянной крестовине. Оно имело женский или мужской облик [3, с. 151]. Нередко чучело было огромных размеров. Это может иметь внутреннюю связь с представлениями славян о мифических великанах, которые символизировали собой смену мифологической эпохи – момент смены эонического времени меоническим, а также связь с представителями Гипербореи. Согласно славянским представлениям, первыми людьми были великаны – люди, обладающие знанием о будущем, странная гибель которых связана со сменой поколений богов. Возможно, это последние представители бытия-символа, и потому они в дальнейшем стали восприниматься как представители чужого племени. Великанов ассоциировали с каким-либо ландшафтным объектом, например, горой или холмом. Чучело Масленицы водружали на возвышенность, где потом и сжигали. Возможно, выбор возвышенного места связан с преданием предков о таинственном исчезновении великанов, завершении своего жизненного пути путем погружения в гору, в землю. На смену великанам, согласно архаическому русскому фольклору, пришли богатыри русской земли – аналог великанов бытия-символа в бытии-кентавре. Кулачные бои в Масленицу являются некой отсылкой к боям богатырей. Являясь избранными, посвященными людьми в бытии-кентавре, богатыри имели больше возможностей и знаний по сравнению с иными смертными. Мы считаем, что богатыри русские были промежуточным звеном, медиаторами в развитии между людьми бытия-символа и бытия-кентавра. А кулачные бои являлись некой претензией на инаковость по отношению к другим жителям деревни.

Встречали праздник Масленицы на возвышенном месте в деревне, а провожали по-разному: разрушали, сжигали, топили в проруби или закапывали в землю. На Русском Севере, например, зажигание большого ритуального костра на возвышенном месте или на льду озера являлось кульминацией «похорон» Масленицы. Часто в центре костра ставился высокий шест с колесом и снопом соломы. Во многих районах России прощание с Масленицей осуществлялось через скатывание с горы или иного высокого места подожженного деревянного колеса, к которому привязывались пучки соломы или веники. Ритуальное разжигание костров (перепрыгивание через огонь) имело очистительный характер, потому что в костер бросались остатки скоромной масленичной еды, старые одежды как символ перехода к новому времени года – как процесс возврата к онтологической норме.

Некоторые масленичные обряды имели аграрно-магическое значение. Масленичные катания с гор на донцах от прялок должны были магически повлиять на рост урожая льна. И поминание усопших, с позиций мифологического сознания, также способствовало хорошему урожаю.

Ярко выраженные элементы эротизма в масленичной обрядности носили продуцирующий характер. Гипертрофированные половые признаки Масленицы и особое поведение участников праздника носили эротическую окраску (имитация мытья в бане, оголение при всех ряжеными своих срамных частей тела, валяние в снегу молодоженов, прилюдное целование их друг с другом).

К концу XIX – началу XX века происходит десакрализация ритуальных значений масленичного комплекса, сохраняется лишь игровая сторона праздника как ностальгия по бытию-символу. При этом в Масленице, несмотря на погруженность в ущербное бытие, можно наблюдать как мифологические аспекты, так и языческие, обеспечивающие переход от бытия-кентавра в онтологическую норму.

Список литературы

1. **Коринфский А.** Народная Русь. Сказания, поверья, обычаи и пословицы русского народа. М.: Белый город, 2006. 592 с.
2. **Лосев А. Ф.** Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 613-802.
3. **Русская мифология:** энциклопедия / сост., общ. ред. и предисл. Е. Мадлевской. М. – СПб.: Эксмо; Мидгард, 2006. 784 с.
4. **Торчинов Е. А.** Религии мира. Опыт запредельного. СПб., 2000. 390 с.
5. **Флоренский П. А.** Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии) / сост. и ред. игумен Андроник (Трубачев). М.: Мысль, 2004. 685 с.
6. **Фриауф В. А.** Генеалогия языка и культа. Между историей и метафизикой. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 197 с.
7. **Шеллинг Ф.** Сочинения: в 2-х т. М., 1987. Т. 2. 637 с.
8. **Элиаде М.** Аспекты мифа / пер. с франц. В. Большакова. М., 1996. 187 с.

ELEMENTS OF PANCAKE WEEK CEREMONIAL FROM THE PERSPECTIVE OF MYTHOLOGY AND PAGANISM

Demchenko Polina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Film and Television
polina-alex@mail.ru

The article analyzes such elements of Pancake Week as memorial ceremonies, celebration of the newly wedded, fires, construction and destruction of a scarecrow, Pancake Week arrival and send-off. They are considered from the perspective of mythology and paganism. The author relies on the methodology of name worship philosophy, which is indicated in philosophy of A. F. Losev and P. A. Florensky. The conclusion is made that there is desacralization of Pancake Week ritual values; only a game component of the holiday is preserved as nostalgia for the being-symbol.

Key words and phrases: Pancake Week; symbol; sign; rite; myth; language; name; number; space; time.